

Крупнейшие группы России в 2023 году

Неравномерное влияние войны

На третий год после полномасштабного вторжения российского империализма на Украину туман войны отчасти рассеивается, и многие компании, не раскрывшие свою отчётность по итогам 2022 г., опубликовали её по итогам 2023-го. Несмотря на это, впервые с 1995 г. не был опубликован рейтинг 400 крупнейших компаний России по объёму *товарооборота*, который с 1995 г. составлял журнал “Эксперт”, а затем “Монокль”. *Forbes* представил лишь гораздо менее показательный список 100 крупнейших компаний России по *чистой прибыли*, в топ-5 которого вошли “Роснефть”, Сбербанк, “Сургутнефтегаз”, “Лукойл” и “Новатэк”.

Мы публикуем наш рейтинг, составленный на основе официальной отчётности компаний и других открытых источников.

Лидером по объёму товарооборота в 2023 г. стала “Роснефть”, тогда как “Газпром”, который начиная с 2000 г. почти бессменно занимал первую позицию, лишь в 2019 и 2020 гг. уступив её группе Игоря Сечина, оказался на втором месте.

По сравнению с 2021 годом, последним довоенным, в рейтинге появилось 14 новых участников, т. е. он обновился на 28 %. При этом количество групп с оборотом 1 трлн руб. и более увеличилось с 16 до 22, т. е. более чем на треть.

Важные тренды

Британский мозговой центр CEPР (Центр экономических и политических исследований) опубликовал исследование Джамилы Нигматулиной, посвящённое анализу совокупного эффекта санкций на макроэкономику России с 2014-го по 2020 г. Автор, в частности, использует такой параметр как “совокупная факторная производительность” (СФП). Буржуазная экономическая наука ввела его для оценки технологического прогресса экономики стран. Рассмотрев 50 секторов, Нигматулина пришла к выводу, что в 45 из них СФП снизилась, при том, что российские крупные группы и так традиционно были низкоэффективны: у них *«было слишком много капитала по сравнению с доходом, который они генерировали»*. Нигматулина предлагает описание возможного механизма падения СФП экономики России: *«При отсутствии государственной защиты санкции улучшили бы производительность российской экономики в целом, отняв ресурсы у фирм, у которых их было слишком много. Однако благодаря государственной защите санкционные фирмы получили ресурсы по сравнению со всеми другими фирмами, а не потеряли их. [...] В результате разрыв в эффективности между подсанкционными и неподсанкционными фирмами увеличился. [...] Другими словами, правительство сохранило целевые компании за счёт всех остальных»* (“How US sanctions increased the economic activity of sanctioned Russian firms”, 2022).

После начала украинской войны и введения беспрецедентных санкций этот тренд только усилился.

Вторая важная тенденция, по-видимому, заключается в том, что санкции ускоряют темпы концентрации и централизации капитала: замминистра промышленности и торговли Василий Осьмаков заявил, что *«сейчас требуется синергия финансового, торгового и промышленного капитала – “чеболизация” по форме, не по генезису»*, и привёл в качестве примера отношения банка ВТБ и судостроительной корпорации ОСК (в 2023 г. банку были переданы 100 % акций компании), а “Газпромбанк” назвал “квазичеболом” (РИА Новости, 04.07.2024).

Единственный драйвер – война

Ленин в 1915 г. писал: *«Война представляется, как единое национальное дело, – с одной стороны, – с другой стороны, как ненормальность, нарушение “мирного” капитализма etc. [...] Война – “ужасная” вещь? Да. Но ужасно прибыльная вещь»*¹.

Действительно, для российского капитала война стала “ужасно прибыльной вещью”. Она – *единственный* фактор, который смог оживить экономику, стагнировавшую на протяжении десятилетия 2010–2019 гг. Не оставил этот факт без внимания и Сергей Караганов, почётный председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике и советник Путина: *«Без войны подъёма экономики добиваться не удавалось»*. И выполняя роль унтер-

офицерской вдовы, добавил: *«История доказывает – без внешней угрозы наше общество, выросшее на противостоянии ей, не развивается. А то и перерождается»* (“Россия в глобальной политике”, 21.11.2024).

Росстат, изучив данные 44,9 тыс. организаций, отчитался, что по итогам 2023 г. их сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) в действующих ценах вырос на 35 % по сравнению с 2022 г.

В условиях войны в первую очередь растут доходы *человекоубойной промышленности* – совокупные данные о ней сейчас не публикуются, но крупнейшая группа сектора – “Ростех” – в 2023 году увеличила товарооборот на треть. При этом она теряет позиции на мировом рынке, что признаёт её глава Сергей Чемезов.

Нефтегаз: снижение способности финансировать бюджет

Год назад мы писали о том, что, согласно официальной позиции Брюсселя, санкции были направлены на *«ослабление способности России финансировать войну»*. Сейчас можно сказать, что эта цель частично достигается – так, по данным Минфина РФ, поступления от *нефтегазовой отрасли* в бюджет по итогам 2023 г. составили 8,822 трлн руб. руб., что почти на четверть меньше, чем в 2022-м (11,586 трлн). При этом доходы бюджета от экспортной пошлины на газ *обвалились* почти втрое. Товарооборот нефтегазового сектора сократился до 65,8 трлн руб., или на 3,3 %. Добыча нефти в физическом выражении сократилась на 0,8 %, газа (попутного и природного) – на 5,2 %. Производство сжиженного природного газа (СПГ) снизилось на 2,4 %. Экспорт российского газа по трубопроводам упал на 29,9 %. В том числе поставки в ЕС сократились на 25 %, а в денежном выражении – почти в 3 раза.

Разрыв *энергетической связи* с Европой дорого обошёлся российскому нефтегазу, а его чемпион – “Газпром” – впервые за 25 лет не просто получил убыток, но и стал самой убыточной компанией России (*Forbes*, 03.10.2024). Основная причина связана *«с потерей доли рынка в Европе»* (“БКС Экспресс”, 03.05.2024). Эти *внешние ограничения* вынуждают группу двигаться в направлении диверсификации: *«Газпром» вынужденно становится нефтяной, а не газовой компанией»* (*Forbes*, 08.05.2024).

Мировые факты заставляют “Газпром” обратить внимание и на внутренний рынок. Рассматриваются три сценария его “реформирования”: 1) сохранение статус-кво, влекущее за собой субсидирование внутреннего рынка *«на десятки миллиардов долларов ежегодно»*; 2) резкая индексация тарифов, которая *«обеспечит компенсацию выпадающих доходов бюджета, стабилизирует на какой-то период финансовое положение производителей газа, но возникнет обратный эффект для конкурентоспособности российской промышленности»*, а также ускорит инфляцию; 3) развитие внутреннего рынка за счёт технологий и новых методов торговли; оно связано с появлением новых игроков на рынке и поэтому наверняка вызовет наибольшее сопротивление (РБК, 27.05.2024).

У частного чемпиона – “Новатэка” – дела шли гораздо более удачно: он закончил год с чистой прибылью 469,5 млрд руб., что на 11,5 % больше, чем по итогам 2021 г. – однако стоит учитывать, что за период 2022–2023 гг. накопленная инфляция в РФ составила более 20 %.

Но и перспективы “Новатэка” далеки от блестящих: 2 ноября 2023 г. американское Управление по контролю за иностранными активами (ОФАС) объявило о включении в санкционный список “Арктик СПГ 2” – крупнейшего в России проекта по производству СПГ, включающего 3 технологические линии общей мощностью 19,8 млн т, что фактически ставит крест на планах Кремля по достижению производства СПГ в размере 100 млн т к 2030 г., что составляет около 18 % глобального рынка. “Новатэк” также вынужден осуществлять диверсификацию и пробовать другой способ экспортной монетизации газовых запасов – производство не СПГ, а аммиака и его производных.

Нефтяной сектор пережил 2023 г. не с такими плачевными результатами: там технически проще обеспечить обход санкций и сбыт продукта. Добыча нефти и газоконденсата в прошлом году была всего на 0,9 % меньше, чем в 2022-м. Экспорт сократился на 3,3 %. При этом на “дружественные” страны пришлось 86 % экспорта нефти, по сравнению с 40 % в 2021-м, и 84 % экспорта нефтепродуктов по сравнению с 30 % в 2021-м. Объём же закупок российской нефти со стороны “недружественного” ЕС рухнул в 7 раз – с 97,62 до 13,39 млрд долларов (Bruegel, *“The European Union-Russia energy divorce: state of play”*, 22.02.2024).

Нефтесервисный сектор (OFS) столкнулся с приостановкой инвестиций и поставок технологий от *Большой четвёрки* (Schlumberger, Baker Hughes, Halliburton, Weatherford), на которую в 2021 г. приходилось около 20 % российского OFS-рынка. Российские же OFS – это в основном малый и средний бизнес, который не может на равных конкурировать в технологиях с мейджорами, что ведёт к срыву планов по повышению коэффициента извлечения нефти и расширению масштабов разработки новых месторождений (“Яков и Партнёры”, “Перспективы развития нефтесервисной отрасли в России до 2030 года”, 2023).

Росатом: устойчивое состояние

В 2023 г. консолидированный товарооборот “Росатома” в *открытой части* составил 2,6 трлн руб., что на 45,6 % больше показателя предыдущего года. Этот рост был достигнут *«преимущественно за счёт увеличения выручки от реализации транспортных услуг, ураносодержащей продукции и услуг по обогащению, приобретённой электроэнергии и мощности, прочих энергоресурсов»* (отчёт ГК “Росатом” за 2023 год).

Атомная отрасль пострадала от санкций меньше всего, поскольку интересы США, Европы и России *«настолько сильно переплетены»*, что западные страны не смогут в ближайшем будущем отказаться от поставок российского урана, а также от услуг по обогащению ядерного топлива и импорта российских тепловыделяющих элементов (ТВЭЛ), используемых в качестве топлива в ядерных реакторах (*Forbes*, 30.09.2024). Но эта зависимость взаимная, т. к. осуществление российских ядерных проектов во многом завязано на западные технологии.

Дополнительные риски для “Росатома” представляют санкции в финансовом секторе: в июле гендиректор компании Алексей Лихачёв сообщил, что США блокируют деньги, которые поступают на строительство АЭС “Аккую” в Турции (“Известия”, 07.07.2024).

Металлургия: жертва санкций на подхвате у ВПК

В 2022 г. чёрная металлургия, только восстанавливающаяся после пандемии, стала одной из главных жертв западных санкций, однако 2023 г. стал для российской металлургии умеренно удачным. Такой результат, опять же, был обеспечен всего одним фактором – войной, что подтверждает министр промышленности и торговли Антон Алиханов: *«Несмотря на санкции, коллеги многократно нарастили объёмы отгрузок своей продукции в “оборонку”»* (сайт Президента России, 15.07.2024). Крупные заказы со стороны ВПК вызвали сильный рост в секторе готовых металлических изделий, и именно обработка стала драйвером экономического роста в прошлом году.

Выпуск же металлургического сырья увеличился всего на 3,3 %, что частично стало следствием проблем с экспортом: в 2023 г. он был на 11 млрд долл. (15 %) меньше показателя 2022 г. В значительной степени это вызвано снижением цен на сталь (15–20 %), алюминий (20 %), никель (14 %) и медь (4 %), а также сокращением поставок на рынки США, ЕС, Китая и Турции из-за санкций и ужесточения конкуренции. Тем не менее металлургия с долей 14 % сохраняет второе – после продукции ТЭК – место в вывозе товаров.

Перспективы отрасли сдержанные: *«Давление на потребление стали в России может оказать снижение спроса со стороны строительной отрасли из-за сворачивания программы льготной ипотеки. При этом возможности для перенаправления поставок на экспорт ограничены крепким рублём. Такая ситуация может сохраняться в течение года, предпосылок ни для роста спроса, ни для ослабления рубля пока не видно»* (*Forbes*, 12.08.2024). Кроме того, действуют *среднесрочные* факторы, понижающие рентабельность российских компаний: конкуренция с китайской и турецкой сталью в сочетании с желанием иностранных покупателей получить хорошие дисконты, а также с длинными и затратными логистическими маршрутами.

Банковский сектор: рекордная прибыль

Оптимистичные прогнозы, которые мы приводили годом ранее, полностью оправдались: по итогам 2023 г. банки получили рекордную прибыль в 3,3 трлн рублей (Банк России, “О развитии банковского сектора Российской Федерации”, январь 2024 г.), при этом *«чистая прибыль 10 крупнейших банков составила 2,4 трлн рублей, примерно 73 % от общего»*

результата сектора» (*Forbes*, 01.04.2024), а прибыль одного «Сбера» – почти 1,5 трлн руб., или почти половину прибыли сектора. По прогнозам, концентрация капитала продолжится в силу ослабления из-за новых санкций влияния главного драйвера роста средних банков – проведения международных трансакций. Высокий результат был обеспечен в основном ростом чистых процентных и комиссионных доходов: деловая активность клиентов оживала, ставки в I полугодии были довольно низкими, реализовался отложенный спрос на кредиты. Поддержку кредитованию оказали и различные государственные программы, в том числе субсидируемая ипотека и льготные кредиты для малого и среднего бизнеса. Сыграло роль и резкое – с 2,5 до 1 трлн руб. – снижение расходов на резервирование по текущим и потенциально проблемным активам. Наконец, лепту в максимальный результат внесла положительная переоценка валютных позиций на фоне ослабления курса рубля – около 0,5 трлн против потерь примерно на 400 млрд руб. в 2022 г. Однако в дальнейшем темпы роста прибыли снизятся, так как эффект всех вышеперечисленных факторов неизбежно будет уменьшаться.

Одним из компонентов, напрямую влияющих на динамику сектора, является ключевая ставка ЦБ. С началом войны она достигла экстремальных размеров, порадовав банкиров, выдающих много кредитов по плавающим ставкам, но при этом оказались недовольны промышленники, застройщики и экспортёры.

Ретейл: экспансия федеральных сетей

Трендом 2023 г. стала экспансия федеральных сетей в плане наращивания торговых площадей: доля 10 крупнейших сетей (X5 Group, «Магнит», Mercury Retail Group, «Лента», «Светофор» и др.) в приросте торговой площади увеличилась по сравнению с 2022 г. на 4,4 процентных пункта (до 75,1 %), при этом средняя площадь торговых точек сокращается из-за роста количества дискаунтеров и малых форматов, в то время как доля гипермаркетов и супермаркетов в структуре торговой площади снизилась на 1,2 п. п. (до 14,3 %) и на 1,1 п. п. (до 9 %) соответственно.

Осенью 2023 г. были побиты все рекорды по числу поглощений крупными игроками локальных ретейлеров: «Магнит», X5 Group, «Лента» раскупили сети, работающие в Сибири, на Урале и Дальнем Востоке. В 2022 году у федеральных сетей был органический рост за счёт вытеснения несетевой розницы, но чтобы скупали магазины сотнями и даже тысячами – такого не было» (*Forbes*, 02.01.2024).

Однако, как мы уже отмечали, концентрация капитала в отрасли по сравнению с ведущими державами по-прежнему остаётся невысокой: в 2023 г. на долю топ-10 ретейлеров (без учёта маркетплейсов) пришлось 29,1 % розничного товарооборота без учёта продаж автомобилей и моторного топлива. Сектор далеко не исчерпал источники для роста.

“Рост без развития”

Либералы-алармисты, анализируя экономику России, в последнее время склоняются к концепции “роста без развития”, под которой они понимают «количественное увеличение производства давно освоенной продукции за счёт более интенсивного [по-видимому, более напряжённого] использования имеющегося оборудования» без технологического прогресса (“Важные истории”, 13.11.2024). Это абсолютизация одной из многих черт капитализма. В действительности продолжается его “нормальное” *неравномерное развитие*, сопровождаемое диспропорциями, откатами назад и разрывами, скачками вперёд, а также войнами, которые являются его имманентной характеристикой. Положить им конец человечество сможет только в рамках нового, более высокого общества.

Ноябрь 2024 г.

¹ - Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 26. С. 377.